

Изъ бумагъ архіепископа воронежскаго Парѣенія, относящихся къ 1812 году.

Въ архивѣ Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго Комитета хранятся нѣсколько бумагъ, относящихся къ жизни архіепископа воронежскаго Парѣенія (умершаго въ 1853 году).

Какъ уроженецъ г. Москвы, архіепископъ Парѣеній (Чертковъ) обучался въ Московской академіи, по окончаніи курса которой проходилъ тамъ же должность учителя и префекта. Первые годы его службы въ Москвѣ совпали съ 1812 годомъ; въ это именно время онъ былъ настоятелемъ Московскаго Крестовоздвиженскаго монастыря и префектомъ тогдашней „Славяно-греко-латинской академіи“. Въ 1817 году, когда архіепископъ Парѣеній былъ архимандритомъ Московскаго Заиконоспасскаго „училищнаго“ монастыря, ему поручено было собрать свѣдѣнія касательно того, въ какомъ видѣ были вышешюименованные два монастыря и академія въ 1812 году. Эту задачу архіепископъ Парѣеній выполнялъ, собравъ нужныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ и изъ своихъ личныхъ воспоминаній. Собранныя свѣдѣнія были представлены въ двухъ экземплярахъ „къ Его Высокопреосвященству Августину, архіепископу Дмитровскому и управляющему Московской митрополіей, декабря 4 дня 1817 года“. Черновикъ же этихъ свѣдѣній остался у собирателя-архіепископа Парѣенія, отъ котораго перешли затѣмъ къ архимандриту Геронтію, автору многихъ брошюръ съ описаніемъ монастырей Воронежской и Московской епархій. Архимандритъ же Геронтій передалъ эти свѣдѣнія въ архивъ Воронежскаго комитета чрезъ мѣстнаго историка Н. И. Поликарпова. Изъ даннаго источника мы и заимствуемъ нижеприведенное сообщеніе.

Съ 29 августа настоятель Крестовоздвиженскаго монастыря архимандритъ Парѣеній съ казначеемъ и братією началъ собираться къ отъѣзду и перваго сентября въ три часа по полуночи уѣхалъ, по назначенію начальства, въ Вологду. Съ собой онъ взялъ монастырскую казну, много церковной утвари и богослужебныхъ книгъ. Лучшая же церковная утварь была положена въ сундукъ, который и поставленъ былъ подъ полъ верхней церкви въ придѣлѣ „Василія Парискаго“; другія же вещи были скрыты надъ алтаремъ нижней Успенской церкви, куда велъ тайный проходъ, и гдѣ для клажи было особенное мѣсто. Но монастырь не былъ оставленъ всѣми: при немъ осталось нѣсколько монаховъ, которыхъ, впрочемъ, ждало одно лишь горе. Такъ, іеромонахи Иліодоръ и Іона, когда непріятель вступилъ въ Москву, прожили въ монастырѣ три недѣли; скоро отъ страха, несносныхъ побоевъ и голода они удалились изъ монастыря. Но на дорогѣ они были схвачены французами и возвращены въ Москву; здѣсь жестокими побоями они принуждены были носить тяжелыя ноши. Впрочемъ, имъ удалось укрыться отъ такихъ истязаній непріятели въ подмосковныя селенія.

При вступленіи непріятели въ Москву, штатные монастырскіе служители засыпали монастырскія ворота землею аршина на два. Непріятель подошелъ къ монастырю и отбилъ ворота, жестоко наказавъ служителей за ихъ сооруженіе. Позванъ былъ послушникъ Григорій, у котораго хранились ключи отъ церковныхъ дверей; послушникъ ключей не давалъ, говоря, что ихъ у него нѣтъ. Тогда непріятель бревнами отбилъ двери какъ въ нижней Успенской церкви, такъ и въ верхней Крестовоздвиженской. По вторженіи въ церковь, французы стали взрывать полы. При этомъ они нещадно били іеромонаховъ Иліодора и Іону за то, что они, когда ихъ допрашивали, гдѣ утварь церковная, отвѣчали, что настоятель увезъ съ собою. Взорвавъ полъ, французы нашли спрятанныя вещи. Ограбивъ монастырь, французы не оставили его: они поселились въ немъ. Въ алтаряхъ нижней и верхней церкви они подѣлали для себя спальни и поставили кровати, вокругъ которыхъ изъ отысканныхъ ризъ сдѣлали завѣсы; въ иконостасахъ были вбиты гвозди для вѣшанія конской сбруи и оружія. Весь монастырь былъ уставленъ фурами съ провіантомъ; вокругъ церкви и въ самой нижней Успенской церкви стояли лошади. Вводили лошадей и въ верхнюю церковь, но по причинѣ высоты крыльца вывели. Въ нижней церкви придѣлѣ Григорія Богослова обращенъ былъ въ кладовую и на царскихъ дверяхъ у Евангелистовъ лики были скованы шпалами, а въ иконы были вбиты гвозди. Въ печкахъ церковей готовили ку-

шаніе и жгли парчевыя ризы для отдѣленія серебра и золота, а нѣкоторые изъ французовъ, одѣвшись въ ризы, производили различныя работы. Питались французы, чѣмъ Богъ пошлетъ: стрѣляли голубей и галокъ, гнѣздившихся подъ крышами, коихъ варили и жарили; рѣзали и лошадей для употребленія въ пищу... Во время пожара, объявшаго пламенемъ Москву, разлившимся подобно огненной рѣкѣ, загорѣлись стропила на паперти около верхней церкви и выгорѣло нѣсколько рѣшетника; огонь былъ потушенъ штатными служителями. Самый храмъ уцѣлѣлъ. Въ верхней церкви иконостасы, иконы, престолы и жертвенники остались отъ огня неприкосновенными. Два раза въ верхней церкви загорался деревянный полъ. Въ нижней церкви престолъ, жертвенникъ и нѣсколько иконъ сожжены непріателемъ вмѣсто дровъ, хотя на монастырѣ много было длинныхъ сосновыхъ бревенъ. Скоро загорѣлись братскія келіи, отъ которыхъ огонь перешелъ и на церковь Никиты Новгородскаго, что подъ колокольнею; въ этой церкви сгорѣла половина пола, другая же, равно какъ и иконостасъ, безъ всякихъ къ потушенію средствъ, остались отъ огня невредимыми. Отъ взрыва непріателемъ кремлевскихъ зданій стекла въ верхней церкви всѣ были выбиты.

Вотъ что пережилъ Крестовоздвиженскій монастырь въ исторической 1812 годъ.

Не менѣе печальные дни пережилъ и Заиконоспасскій монастырь. Въ это время настоятелемъ этого монастыря былъ архимандритъ Симеонъ, впоследствии епископъ Тульскій. Онъ тоже вмѣстѣ съ другими перваго сентября въ три часа по полуночи уѣхалъ въ Вологду, взявъ съ собою большую часть церковной утвари и большинство монастырской братіи. Когда французы вступили въ Москву и заняли монастырь, то въ трапезѣ нижней церкви они поставили лошадей, которыхъ вмѣсто ковровъ покрыли ризами, въ алтарѣ помѣстили кровати. Къ монастырскимъ воротамъ и на городской стѣнѣ былъ поставленъ караулъ. Въ настоятельскихъ покояхъ поселился французскій генералъ; въ казначейской кельѣ жили портные и шили мундиры; въ кухнѣ настоятельской и братской трапезѣ пекли хлѣбъ, который отпускался въ полки. Дровяной сарай наполненъ былъ ржаными снопами; во флигелѣ, гдѣ помѣщались книжныя лавки монастыря, французженка торговала виномъ и съѣстнымъ; постель ея, по замѣчанію очевидцевъ, покрыта была св. плащаницею. Передъ выходомъ своимъ изъ Москвы французы до того нуждались пищею, что ѣли одинъ картофель, а иногда стрѣляли воронъ и галокъ; чиновники, которые прежде ѣли пшеничный хлѣбъ, стали съ большимъ трудомъ добывать и ржаной хлѣбъ.

Вступивъ въ монастырь, непріятель выгналъ изъ монастыря всѣхъ оставшихся тамъ монаховъ. Іеромонахъ Иннокентій и іеродіаконъ Вонифатій и Владиміръ ночью укрывались въ пещерахъ городской стѣны, а днемъ уходили на „помородокъ“, гдѣ, по увѣренію очевидцевъ, скрывалось русскихъ до 500 человекъ. Всѣ были ограблены до наготы. Іеромонахъ Викторъ и послушникъ Иванъ, которые служили при Владимірской церкви, жили въ находящейся за церковью башнѣ, гдѣ укрывались многіе обыватели съ семействами. Всѣ питались соленой рыбой, картофелемъ, но хлѣба не имѣли. Скоро непріятель замѣтилъ ихъ и сталъ посылать ихъ на работу, подвергая ихъ часто жестокимъ побоямъ. Такъ, іеромонахъ Викторъ, изнуренный голодомъ и работой, за то, что не могъ болѣе тащить тяжелой ноши, былъ брошенъ въ Москву-рѣку; переплывъ на другой берегъ, онъ, зарывшись въ песокъ, въ такомъ видѣ и ночевалъ. Іеродіаконъ Вонифатій по своей дряхлости и истощенію силъ отъ голода и непосильной работы отказался носить ноши, за что ему хотѣли отсѣчь голову и бросить въ рѣку; самыя рогожи, которыми онъ прикрывалъ свою наготу, были съ него сняты. Іеродіаконъ Владиміръ сильно былъ израненъ саблями и нагой носилъ тяжести; для большаго поруганія онъ былъ покрытъ св. покровомъ. Также жестоко было поступлено и со штатными служителями монастыря.

Покидая Москву и собираясь взорвать Кремль, французы предупреджали объ этомъ всѣхъ. Когда они ушли изъ Москвы, монастырь остался цѣль и невредимъ, хотя и былъ загрязненъ соромъ и всякою всячиною. Академія тоже была покинута: ректоръ, префектъ и монашествующіе уѣхали въ Вологду, а учителя разъѣхались по селамъ, незанятымъ непріателемъ. Осталось въ академіи не болѣе пяти человекъ учениковъ, которыхъ французы употребляли въ качествѣ прислуги, конечно безъ всякой платы—за пищу. Комнаты префекта академіи были заняты маіоромъ и офицерами; въ богословскихъ, философскихъ и другихъ классахъ, также въ учительскихъ покояхъ жили портные и шили мундиры; флигель для казеннокоштныхъ занятъ былъ сапожниками; на полу въ бібліотекѣ хранилась капуста.

Особаго вреда французы не причинили академіи, и она пострадала лишь немного отъ взрыва Кремля: зданіе дало значительныя трещины, стекла были выбиты... Такъ отнеслись, все-таки жестоко, французы къ нашимъ святынямъ и къ разсаднику просвѣщенія—Славяно-греко-латинской академіи.

Т. М. Олейниковъ.

